

Татьяна Любецкая

Бретер и две девушки

НЕ ОДОБРЕНО
ФЕДЕРАЦИЕЙ
ФЕХТОВАНИЯ

ЧТО ПОЧИТАТЬ?

Что почитать?

Татьяна Любецкая
Бретер и две девушки

«РИПОЛ Классик»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Любецкая Т. Л.

Бретер и две девушки / Т. Л. Любецкая — «РИПОЛ
Классик», 2015 — (Что почитать?)

ISBN 978-5-386-09272-6

Зачем строить свою семью, если вокруг так много уже устроенных семей и можно ими прекрасно пользоваться? – так размышляет героиня романа Татьяны Любецкой, собираясь разрушить чужой брак. Но жизнь неожиданно вносит свои благородные коррективы в этот авантурный план, превращая интрижку в большое настоящее чувство. Автор этого романа – чемпионка мира по фехтованию. Вы когда-нибудь встречали такого писателя? Мы ни разу. Но писательница со шпагой в руках – это ли не романтический символ, которому хочется верить как никакому иному?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-09272-6

© Любецкая Т. Л., 2015
© РИПОЛ Классик, 2015

Содержание

Часть 1	6
Синдром Д	6
Уж замуж невтерпех	8
Часть 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Татьяна Любецкая

Бретер и две девушки

* * *

© Любецкая Т. Л., текст, 2015

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

Часть 1

Синдром Д

*Плечом к плечу мы встретим век грядущий.
Так будем жить и так пойдем вперед.
И правнуки за пирашественной чашей
Да вспомнят нас во славу жизни нашей.*

«Посвящение». Иоганн Вольфганг Гёте

А мы-то так все переругались – передрались, что правнуки с этой их чашей кажутся уже какими-то надуманными. Тут вот встал в очередь, а она оказалась пулеметной... У нас даже и в метро везде написано – «выхода нет». Недавно, правда, переправили на «нет прохода», но что это меняет? Все равно толпа ломится к этим табличкам. Выйти же там, где еще означен «выход», многим просто в голову не приходит. Или некуда приходить. Нет, никогда нам не выиграть чемпионат мира по футболу! Какая связь? Да очень простая. Люди, не способные выйти там, где «выход», и войти, где «вход», никогда не овладеют несравненно более сложными комбинациями великой игры. Я-то, когда еще ездил в метро, кой-как продирался сквозь несущихся против течения людей, но чувство безысходности, загнанности оставалось. Так, но когда же все началось? Как возникла сама Идея, спасительная и превосходная? Нет, стоп. В тот миг, как «Титаник» объявили величайшим в мире, непотопляемым, участь его была решена – цена гордыни, кичливости, непозволительной ни людям, ни кораблям. Вот только я тогда подумал – только подумал! – что Идея моя несравненна, как тут же и опустили, уничтожили. И кто! Щенок, не умевший даже держать оружия в руках!

Все же, когда она появилась?.. В сущности, само ее явление при всей абсурдности, в общем-то, вполне естественно, я бы даже сказал, она не могла не появиться, если учесть некоторые обстоятельства моей прежней жизни, если учесть синдром Д.

Помню, быстро сгущались сумерки. Нет, не в смысле убывания дня – тысячелетия! Наступал Закат Миллениума! И может, именно тогда, взбудораженный грядущими переменами, я впервые подумал, что глупо прозябать бездельником-пенсионером, отдыхать от жизни, ради которой, собственно, и явился в мир. Да, конечно, был я прежде неплохим инженером, занимался спортом, а потом вдруг оказался абсолютно нигде не нужен. Никому. Как говорит Палыч, старый человек – дерьмо человек. Но я-то не считал себя старым! Старость – это немощь, я же, несмотря на возраст и все свои травмы, чувствовал себя способным – сам еще не знал на что! Значит, думал я, надо найти такое занятие... такое, которое могло бы пригодиться человечеству (его спасти?). С этой взыскательной и туманной мыслью я вышел в тот последний день Миллениума из дома. Чтобы, затерявшись среди людей и тысячелетий, додумать ее до конца.

У соседнего подъезда стояла «скорая». Через мгновение два дюжих санитаров вывели из него укутанную старушку, которая опасливо засеменила по льдистой тропе. Следом топал старик (муж?) с двумя туго набитыми авоськами – в больницу ведь многое понадобится: ночная рубашка, халат, шлепанцы, мыло, зубная щетка, зубная паста, беруши (берешь по одной и суешь в уши). В элитных клиниках ничего такого, понятно, не требуется. За тыщи долларов и мыло, и отдельную палату дадут. Но бабуся была не из элитных... Меж тем по лицу старика шмыгнула вороватая улыбка, вроде как предвкушение – чего? Вряд ли холостяцких

утех с девочками, больно рыхл да стар, хотя... А может, с отъездом женушки открывалась счастливая возможность где-то наконец порыться, чего-нибудь наесться, напиться? Например, тяпнуть того, подаренного лет тридцать назад рому (кто, какой боцман мог подарить затрапезной парочке ямайский ром??) и закусить жареной свининкой! А то ведь у старухи вечно все вредно, то не ешь, это не пей. И что это тебе вдруг понадобилось в мамочкином сундуке?! А то, душа моя, что на самом доньшке, – сколько ж тряпья пришлось перелопатить, пока добрался до цапек ваших! Как зачем? Да хоть для тех же девочек! А иначе как же заманить их в стариковскую нору? В общем, ясно, лишь только за бабусей двери «скорой» захлопнутся, руки-ноги у старика будут развязаны...

В тот миг я не ощутил мужской солидарности, а только жалость – старуха явно будет обманута, предана, ее бы защитить, но как? Кто позволит случайному прохожему, хоть бы и соседу, влезть в чужую жизнь? Самого же и объявят грабителем беззащитных. Значит, в том только и состоит, скажут, преступление, что порылся старичок в собственном сундуке да налопался свининки? И чем докажете злой умысел? Выражением лица? Да может ли выражение быть уликой?! Еще как! Вчера у бара маячили такие рожи, которые можно сразу сажать, что называется, *с поличным*. В общем, как всегда в подобных случаях, я ощутил пронзительность и тщету сострадания. И может, именно в тот момент блеснула Идея, и даже еще не Идея, а так, просверк, тут же и пропавший. И я сказал себе – уйми свои фантазмы, забудь! Не исключено, что пред тобой прошелестела образцовая парочка – Филимон и Бавкида, а ты тут навывдумывал... Но ведь большую часть жизни приходится выдумывать... Тут мимо проплыла такая краля! Розовая мордашка, дубленка полурасстегнута, а под ней все так ходуном и ходит. Было видно, что ничего худого в голову не берет, цок-цок по жизни на высоких каблучках. И от этой высоты тело ее плавно, ненадежно покачивается, как бы демонстрируя готовность в любой момент упасть, сдаться. Эх, до чего все-таки у нас девки хороши, когда они хороши! Настроение у меня улучшилось – вот бы с такой в новые века...

Уж замуж невтерпех

– Мамочка, милая, помоги девочкам оформиться побыстрей, – молила в трубку Марина, – а то я уж так соскучилась по всему нашему...

– Да ладно, соскучилась она! – усмехнулась мать.

– Ну, правда! Хороша страна Швейцария, а Россия лучше всех...

– Ага. То-то торчишь там со своим денди-бренди уже второй год.

– Между прочим, в одной умной книжке сказано, что существует большая разница между денди, щеголем и джентльменом. Там говорилось еще о какой-то разновидности, но я забыла слово...

– Козел – вот что это за слово! – захохотала мать.

– Опять?!

– Ладно, ладно, шучу. А девчонкам, так и быть, помогу...

* * *

Тот последний день прошлого тысячелетия был на редкость морозный, ясный и безумный – никто ведь толком не знал, как перебираться из одного тысячелетия в другое. Последний раз такое происходило десять веков назад, и участников того Перехода, естественно, не осталось. Не сохранились и хоть какие-нибудь записи, свидетельства, то есть суматоха была великая. Спешите видеть и участвовать! Люди с помпой, страхом и надеждой готовились к тому неведомому, что их ожидало. Было, понятно, и много вопросов – скажем, каков ритуал? Что надеть в столь судьбоносный момент? Что взять с собой и, главное, кого? Ко всему предстоял двадцать первый век – очко! И этот картежный фарт дополнительно будоражил головы человечества: а вдруг там, в двадцать первом, выпадет наконец вечная жизнь? По ящику сообщили, что родившиеся в двадцать первом будут жить не меньше ста пятидесяти лет! Так, может, и нам, «двадцатникам» – все же ближайшие предки, – хоть сколько-нибудь накинута в этом упоительном, пылающем аду? В общем, никто, кажется, уж и думать ни о чем больше не мог, кроме как о переброске – не заболеть, не умереть до срока! Дотянуть до этого загадочного Третьего! Хотя какая, в сущности, разница?

Между тем в последний, тот високосный год нещадно палило Ярило, магнитные бури бушевали чуть не каждый день, и синоптики, эти зловещие, пугающие личности (никто в глаза их не видел, но все почему-то слушают), по обыкновению врали и предрекали еще худшее. А именно – испепеляющие взрывы на солнце, космические ливни и град метеоритов, каждый из которых будто бы запросто может распистонить наш беззаботно крутящийся шарик. Но даже если при всем том нам удастся выжить, все равно не сегодня завтра нас пожрет черная дыра.

Эта галактическая прожорливая скотина – плод соития гигантских звезд – завелась в созвездии Скорпиона и теперь прямиком несется к нам! И до нас ей уже рукой подать – ее рукой!! И что же в таком случае делать человечеству? Накрыться одеялом? Зажмуриться, чтобы не видеть подлетающую пасть? Ведь вильнуть в сторону, удрать мы не в состоянии – как к самолетному креслу, пристегнуты орбитой к Солнцу. Может, именно поэтому земные страсти разыгрались в тот год с неукротимой и необратимой силой, там и сям вспыхивали распри, войны, и ни одна не заканчивалась. И глупо звучала эта дряхлая сентенция – «в спорах рождается истина», принять роды так и не удалось. Ибо все споры неизменно заканчивались новыми склоками и драками. Да и сама Terra стала вдруг взвинченной, возмущенной, в разных концах ее бесчинствовали пожары, наводнения, ураганы. А опухшие от долгой спячки вулканы вдруг очнулись и извергли свою кипящую лаву на беззащитные

города. И казалось, вот-вот все войны и катаклизмы объединятся в единый взрыв, и Земля запылает гигантским вселенским факелом. И кто-то где-то радостно воскликнет: «Вон, еще одна звезда зажглась!» Кстати, и предсказатели всех мастей как раз на конец прошлого тысячелетия твердо обещали Конец света. Так что люди толком уж и не знали, к чему готовиться – к Переходу или Уходу?! И потому страшно заторопились жить, любить, взрывать и грабить. В общем, жизнь стала слишком тесной чередой свадеб, похорон, турниров и торжеств. Поговаривали, что через нашу столицу вот-вот проложат трассу чемпионата мира по автогонкам класса «Formula-!..». Prosrally – так окрестил народ тот проект, потому что чемпионат в конце концов промчался совсем в других широтах. Также практически был сорван турнир по виндсерфингу в далекой Австралии – к берегу вдруг приплыли стаи акул, что, конечно, многих насторожило... Юбилей же закатывали в тот год один за другим – боялись не успеть «до закрытия». И самым грандиозным стал, конечно, юбилей несравненной Изабеллы Юрьевой – к своему сотому дню рождения певица оказалась не только жива, но и в голосе – запела! Публика ревела и стонала, все чувствовали себя очень молодо – в сравнении с юбиляршей-то!

* * *

– Стараешься, стараешься, стараешься, стараешься, стараешься, стараешься... – Делая уборку, Верыванна могла так повторять без конца до тех пор, пока вдруг не вырубивала на резюме: – Но никому до этого дела нет!

Никому, это Томке – вечно занята! Раньше гулянки, теперь – обналочки, растаможки... А Тамаре в самом деле еще с детства осточертел этот вечный монолог матери – никто ж не заставляет! – и уже в самом начале его она старалась удрать куда глаза глядят, с силой хлопнув дверью. Однажды хлопнула капитально – укатила в Америку!

«Бросила с малолеткой на руках, – с горечью думала Верыванна, – одну, без всякой поддержки. А ведь пока она была с нами, нельзя было даже заикнуться об отце ребенка! Но тут я уже не выдержала, как же, говорю, так, как нам одним? „Кто все-таки отец?!“ – взмолилась я, прижимая, двухлетнюю Лизочку к груди. „Никто! Придурок один! И я его послала!“ – проорала Томка, заволакивая чемоданы в лифт. „Но ведь пока тебя не будет, – крикнула я спускающемуся лифту, – нам потребуется хоть какой-нибудь отец!“ В ответ лифт далеко внизу хлопнул дверью, а оказавшиеся вдруг рядом соседки урезонили: „Не надрывайся, не нервируй дите, Америка вам поможет. Потому что там, в Америке, большие возможности заработать и устроить личную жизнь“. „Заработаю и вернусь“, – тоже пообещала Томка. Вернулась. Через семнадцать лет. Вроде совсем недавно то было, а Лизке уж девятнадцать... Годы как угорелые пронесли, наступая друг другу на пятки. Нет, годы с пятками – это, пожалуй, слишком. Лучше – годы-волны. Убегают и бурлят за кормой корабля... Я, что ли, корабль? Ага, с Лизкой на борту. Это ж сколько той воды утекло... И на тебе, Тома наша вернулась. Год уж тут куролесит, а кажется, будто вчера... Прилетела ожесточенная, худая. У нее вообще не осталось запасов женственности, называемых телом! А туда же, Лизку жить учит – учительша! Сама-то в Штатах только карьеру посудомойки смогла сделать. Да и мужа нашла не миллионера американского, как планировалось, а алканавта нашего – та еще опора!.. Лизочка даже не может выговорить слово „мама“»...

– А меня кто воспитывал?! – вскипает Тамара. – Ты ж вечно по заграницам – звезда! А я с отцом да с соседками, тебя и видела-то не каждый месяц!

– Врешь! Я если уезжала, так не больше чем на неделю!

– Можно подумать, что, когда возвращалась, занималась мной! Вот и не мешай мне самой свою жизнь устраивать!..

Так и собачатся, потому что ни по одному вопросу нет у них не то что единого, но даже похожего мнения.

– ... Ну-ну, устроила. С алкашом.

– Не алкаш он, а выпивает просто, как все!

– Что ж ты его там одного бросила?

– У меня дочь, ее поднимать надо...

– Ох, ну и память. Подняли уже, ребенку де-вят-над-цать!

– Вырастить не фокус, вот устроить...

– Не фокус?? Одних болезней и бандитов сколько кругом! Глаз да глаз за ней! Даром что умница, из класса в класс играючи перепрыгивала, да и в университет с первого раза поступила – спасибо подружке моей, Наденьке, сколько с ней занималась!

– Ты же прекрасно знаешь, другого выхода у меня не было. На работе платили три рубля, пенсия твоя – курам на смех. Да и ту вечно задерживали! Америка – это был для нас последний шанс, а то на что б вы жили?

– Три раза прислала по сто долларов – и тишина. А Лизочку-то надо кормить, одевать, за гимназию платить...

– А что комнату мою сдали не считается?

– Мать – это не только деньги. Вообще не деньги!

– Никак обо мне базарчик! – крикнула из передней Лиза. Увлеченные «базарчиком», они не слышали, как она пришла из университета. – Обо мне, да? – сказала она, входя в комнату.

– О ком же еще, сокровище? Вон маматома о тебе все беспокоится...

– Я же просила. Не приучай ее звать меня маматомой. Просто мама.

– Хорошо, хорошо, простомата, – смеясь, согласилась Лиза. Ей хотелось и бабушке доставить удовольствие, и маму эту не обидеть.

– И имей в виду... – сказала Тома.

– Имею, имею...

– Это из-за тебя она со мной так разговаривает!

– А что я такого сказала? Не, ну я ведь уже вполне крупный чел, что ж мне теперь так и шуршать твоими рецептами?

– Ничего, пошуршишь...

Зазвонил телефон, Тома кинулась к трубке – Алеэ! Ее! Бай!..

– Так вот, – она снова обратилась к Лизе, – как говорится, не дай нам Бог жить в эпоху перемен. А мы-то как раз и вляпались...

– Слушай, брось ты этот цитатник. Что, при совке или в войну лучше было?

– Ты права, дочь, в этой стране всегда буза, еще лет сто пройдет, пока все устаканится. Если вообще устаканится. Поэтому умные люди на Запад прорываются...

– А чего прорываться? У нас в университете с третьего курса посылают по обмену хоть в Германию, хоть во Францию...

– Ага, пошлют! Только не во Францию и Германию, а просто как всех, кто без бабок. А у меня на такую взятку денег пока нет. Да и не путь это.

– Хватит каркать, – вмешалась Верыванна, – до сих пор же все у нас получалось.

– Во-первых, мама не каркает, мама учит, – степенно заметила Тамара. – Во-вторых, прорываться на Запад через карьеру – вообще слишком долго, за то время весь сок, всю свежесть потеряешь. Я вот тоже свеженькой ромашкой была, думала, всего сама добыюсь, а теперь уж не та.

– Ромашка-мамашка, – буркнула Верыванна. Она еще что-то подумала про метелку общипанную, но Лиза незаметно дернула ее за рукав, и она сказала только: – Вот тебе и Запад...

– Запад тут ни при чем. Просто у меня тоже в голове сидела карьера, а надо проще, проще...

– Это как же?

– Замуж! Вот как!

– Уж замуж невтерпех.

– Не груби.

– Я не грублю. Это такое упражнение по русскому. И как это вдруг замуж, за кого??

– За иностранца – вот за кого!

– Удивила! Да у нас полкурса об этом глючит. Есть девки, конкретно заточенные на иностранцев...

– Это шлюшки, – убежденно вставила Верыванна. – У них одно на уме: за границу замуж за любого уроды!!

– Да не перебивайте вы! Суть как раз в том, чтоб загарпунить настоящую, крупную рыбину...

– Господи, Тома, что за выражение?..

– Нормальное. Так вот, загарпунить и притом самой не сесть на крючок. Можно ведь так напороться – то ли в пубдом, то ли в рабство продадут, сама еле ноги унесла...

– Ну-ну, поделись с дочерью своим женским опытом, расскажи про американское житье-бытье.

– ... поэтому, – игнорируя колкость матери, продолжала Тома, – нужно брать уже отобранного, проверенного...

– ?!

– Я имею в виду Терри.

– Мужа Марины?! Да ты в уме? Твоя ж подруга...

– Ну и что? Она ведь за Терри *par dépit* вышла, с досады то есть. С досады и по расчету. И ему же этого простить не может!

– Так что ж ты теперь Лизоньку этим расчетам учишь?!

– Не расчетам. Я хочу, чтоб она *par amour* за него пошла, по любви, значит. Потому что Терри – золото, и его просто нельзя не полюбить.

– От советчица! – всплеснула руками Верыванна. – Сама-то ни по любви, ни с досады не смогла...

– Извини, маматома, – восхищенно улыбаясь, сказала Лиза, – но ты просто кошмарный чел.

– Позже, дочь, ты скажешь мне спасибо.

– Спасибо.

– Не сейчас. И ты будешь откровенная шляпа... ну, ладно, шляпка, если не воспользуешься моментом. Второй может и не представиться. Потому что молодость проходит очень быстро, как сигарета «Вог», вот только ты села нога на ногу, с наслаждением затянулась и выдохнула первый дымок, еще раз, два – ан сигаретка и кончилась!

– Давай учи девку курить!

– Да я ж для сравнения... Короче. С Маринкой я договорилась...

– О чем?! – выпучились Лиза с Верыванной.

– Ну не о Терри же! Просто о твоей поездке в Швейцарию. Поживешь там недельки две, отдохнешь, присмотришься.

– У Марины?!

– Ну!

– Полный отстой.

– Чего?

– Подлость – вот чего.

– Подло так с мамой разговаривать... Ладно, забудь про Терри, езжай просто погостить...

– Щас!.

– ...бери Катку, да, да, Марина сказала, можешь с подругой приехать – места всем хватит. Ей же все равно некогда с тобой заниматься – целыми днями на фирме вкалывает, вот и будете с Каткой колесить по Швейцарии – плохо ли? А уж Маринка-то вас на всем готовом примет, баба она хлебосольная.

– А ты ей за то такой десант засылаешь!

– Так не любит же она его! Сама мне говорила – не лю-бит. Она другого обожала – роковая страсть! Сто лет встречались, а жениться пренебрегал. Так, наезжал когда не то. А потом вообще исчез. Так вот, поплакала красавица Марина, да и успокоилась, решила новую жизнь начать, только не клевал что-то никто. Подруги пытались свести ее там с разными – все мимо. Мужики говорили, да, красивая, но, типа, никакая, холодная. И вот тут познакомили ее на одной английской фирме с Терри, и он сразу на нее запал! Каждую неделю звонит, туда-сюда приглашает, кажется, и полгода не прошло, как сделал предложение. А дальше фантастика! Платье для невесты заказывают в Париже, свадьба в Лондоне, а жить нужно ехать в Ниццу – там у Терри дело свое было. Ты только представь – Ницца! Аристократический тусак Европы! Царские особы и магараджи валят туда с целыми поездами гувернанток, скрипачей и багажа, а Мариночка наша не захотела!

– Как это? – удивилась Лиза.

– А так! Не захотела, и все. Ну, а Терри не захотел, да и не мог остаться в Москве. Правда, медовый месяц они все же провели в Ницце, но там, как это часто бывает с нашими, красавица заскучала и одна вернулась в Москву. Короче, около года живут молодые врозь, она – с родителями, и все делится с ними да со мной своей нелюбовью – ну вот ни капельки он ей не нравится, какой-то не наш. Конечно, не наш – англичанин, да! К тому же высокий, симпатичный и притом несметно богат. Но нет, не то! А тут еще Нинка, мать ее, все уши ей прожужжала, типа, какой же он мужик, если даже гвоздя забить не может? Не, ну ты подумай! Зачем ему пальчики свои компьютерные корезить, если он за несметные бабки любого мужика может нанять?

А кстати, Колька, муж Нинкин, то есть папка Маринин, прекрасно ладит с Терри, хотя по-английски ни бум-бум, да и Терри если сказать, что говорит по-русски, будет сильным преувеличением. Их общий язык – шахматы. И когда Колька к ним приезжает, сидят они с Терри все вечера за доской, фигурки двигают и улыбаются... Так вот, живет, значит, Маринка у родителей, ждет чего-то-кого-то, а вокруг лишь пьяницы да альфонсы... Одумалась. А тут как раз фирма Терри переехала в Швейцарию, снял он крутой домик в сказочном местечке под Женовой, и отправилась красавица снова к суженому. Так что видишь, дочь, никакой подлости. И никакое счастье ты там не разобьешь.

– Все равно гадость.

– Правильно, Лизок. Гадость она и есть гадость.

– Все же какие вы глупые, неблагодарные... Ну, Бог с ним, с Терри! Маринка рассказывала – рядом с ними, в Альпах, гольф-клуб есть, так там одни вдовцы! Катают мячики от неча делать, а тут – здрассть, такие клевые девчонки припилили...

– За старика? Похоронить меня хочешь?

– Похоронить – это когда за бедного, а за богатого – значит, все дороги перед тобой, выбирай любую! Эх, мне бы твои девятнадцать...

– А что же ты в свои девятнадцать не поохотилась?

– Дура была. В папку твоего влюбилась. У него глаза синие-синие, как у тебя, и гитара. Девки на нем собаками висели, ну и водочка, не без этого. И потом... раньше таких возможностей не было...

– Возможности всегда есть, если голова на плечах. Вон Наденьке – уж за семьдесят! А на прошлые майские третий раз замуж вышла.

– Вопрос, за кого.

Тут снова раздался телефонный звонок, Тома коршуном к трубке: «Алеэ! Подскочишь? Я тоже подскочу! Бай!»

– Разговор двух блох, – шепнула Верыванна Лизе, та прыснула в ладошку.

Чтобы не слышать блошинные переговоры, Верыванна включила свой старый приемничек, и из него полилась тихая, прохладная музыка – что-то старинное, давно любимое... Верыванна не могла вспомнить что именно, но на душе вдруг стало так легко и все-будет-хорошо, потому что музыка, как внутривенное, сразу пошла в кровь...

* * *

...Но самым потрясающим действием конца второго тысячелетия стал, конечно, заключительный матч чемпионата мира по футболу. Ничего подобного мир не видел и вряд ли увидит. Шла последняя минута встречи, а счет все не был открыт! И становилось ясно, что человечество под занавес так и останется без гола! Все в отчаянии схватились за головы, причем многие не за свои. И кое-кто из фанатов, эти слабые, нервные типы, уже стал понемногу впадать в истерику и швырять на поле всякую дрянь. В тот момент судья только что растащил подравшихся грандов и собрался было разыграть спорный, как вдруг – то ли перегрелся на солнце, то ли ошалел от футбольных страстей – нервно перебросил мяч с ноги на ногу и сам повел его к ближайшим воротам!!! Стадион ахнул! Оправившись от изумления, игроки атакующей команды погнались за судьей, но поздно – мяч влетел в правый верхний угол ворот, в левом нижнем забился одуроченный вратарь. Прибежавшие с носилками санитары тщетно пытались оторвать его от сетки. А на носилки меж тем тихо улегся тренер потерпевших. На том, собственно говоря, телевизионную картинку и прикрыли, а в ночных новостях сообщили, что главный приз – «Гол Миллениума» – вручили свихнувшемуся арбитру, который «столь оригинально завершил» тот последний чемпионат.

Что же касается похорон, то хоронили в тот високосный год каждый день – по одному, целыми семьями и отрядами. И люди вроде уж и привыкли жить в таких новостях, никто не зарывался в подушки, не выл от ставших будничными сообщений: «...передозировка... взят в заложники... убит...» И не казалось таким уж невероятным, что к концу второго тысячелетия в самом деле наступит Конец Света. Хотя еще совсем недавно трудно было поверить даже в конец нашего двадцатого века – мы так гордились им! Ведь это у нас, в двадцатом, появились телефоны, телевизоры, космические корабли, компьютеры, съемные зубы, руки, ноги и сердца!.. Все практически сказки стали былью! Мы свысока взирали на «устаревшие» века, на Средневековье вообще с особым осуждением, не предполагая, что и наш двадцатый вот-вот будет в прошлом и того и гляди окажется «средним», и это еще в лучшем случае, потому что слишком много мы тут напортачили, многих сгубили... И все сильнее становился привкус небытия, ведь все уже было для него уготовано – разворочено, растрчено, и люди достигли той степени бесчестия и бесчувствия, после которой лишь пепел и дым.

...По ящику идет ток-шоу, токует о милицейских и врачебных взятках, вопрос поставлен по-шекспировски скупно и строго – брать или не брать? Все, конечно, страшно возмущены: одни – тем, что взятки берут, другие – что дают смехотворно мало. В конце концов сходятся на том, что при «их» зарплате не брать, разумеется, нельзя, и потому им нужно срочно поднять зарплату. А о том, как добиться прибавки к жалованью, скажем, ученым или дворникам, ни слова. Они ж на взятках не замечены, да и кто ж им даст??

А тут еще в самый последний час тысячелетия многим было видение – на углу Садовой-Триумфальной и Тверской вдруг нарисовался голый мужик с воздетыми к небу руками.

Если бы не трепетание семейных трусов на ветру, его вполне можно было бы принять за изваяние, наспех состряпанное в пику Маяковскому. Вообще-то, наваять истукана с шевелящимися трусами в наше просвещенное время – раз плюнуть! Еще бы и написали на постаменте – СЕКС-СИМВОЛ СВИХНУВШЕГОСЯ НА СЕКСЕ СТОЛЕТИЯ. Но что-то говорило (да все практически!), что мужик живой. Например, какой уважающий себя памятник потащит в вечность жратву? А у этого на правой ручище висел целлофановый пакет с бутылкой водки и витком колбасы. Опять же и закусь наваять – плевое дело, но ноги! Голые ноги истукана прямо на глазах столбневшей публики покрылись вдруг гусиной кожей и посинели. А народу набралось видимо-невидимо! Обступили опасливым кругом, некоторые шарахались – никто ведь толком не знал, чего, собственно, он провозвестник, а вдруг как раз Конца Света? И так в вихре вдруг налетевшей метели Триумфальная площадь встретила Новое тысячелетие. На радостях, что все, кажется, и на этот раз обошлось, люди целовались, вопили, пели... Меж тем свет, как и положено, к утру стал прибывать, то есть Конец Света не состоялся. Мужик же как-то незаметно растаял в пурге, исчез, как исчезает обычно все непонятое, странное, с тем чтобы после вернуться уже законченным барабашкой. Да был ли дядя? Или невзначай соткался в воображении людей? Такие общие бреды бывают в пору сильнейших человеческих потрясений – а что же может потрясти сильнее, чем ожидание, что вот-вот «выключат свет»? Но если ты барабашка, так изволь когда-то являться. И его в самом деле видели потом не раз, причем, что странно (а для барабашек нормально), в разных концах города одновременно.

В общем, распечатали мы наконец Третье тысячелетие, вскрыли подарочный пакет, а там – все то ж! Пожары, ураганы, войны... И все-таки будто что-то стало меняться. Вроде подул свежий ветерок. Вот, скажем, такие слова, как «совесть» и «честь», уже давно были не в ходу. И если б сказать кому-нибудь, например, «честь имею» или «нужно отстоять свою честь», так никто, скорей всего, ничего бы и не понял. Где отстоять-то, в очереди, что ли? Кстати, было бы неплохо, если бы появились такие очереди. А тут вдруг и заговорили о чести и достоинстве. Поначалу, правда, как о чем-то старинном, как о промотанных фамильных драгоценностях – тусклое червонное золото, богатство невиданной красоты камней... Ушлые телевизионщики, разумеется, живо состряпали ток-шоу на тему «Что такое совесть?», но народ откровенно «плавал», пока общими усилиями не договорились, что это нечто вроде невроза или шизофрении. Сами вы невротики и шизики, крикнул я тогда ящику, и всех вас надо лечить! Я, конечно, знал, что сии недуги неизлечимы. Значит, нужно поискать такое средство, такое... Которое я, кажется, нашел! В общем, я теперь уже не то что верил в свою Идею – я был упоен! Если мне удастся воплотить ее в жизнь, говорил я себе, все изменится! И я воплотил. И казалось, никто уже не остановит меня. Но нет! Вот только ты решишь, что непотопляем, как тебя тут же утащут на дно. И для этой роковой развязки подбросят кучу ошибок. Недаром «самый большой, самый лучший в мире корабль» вдруг оказался верхом (низом?) головотяпства и просчетов! Были допущены ошибки в конструкции корабля, в прокладывании маршрута, и – подумать только! – на «Титанике», которого терпеливо поджидал во мраке айсберг, не оказалось прибора ночного видения и более половины необходимых для спасения людей шлюпок! Я, кстати, всегда остро переживал трагедию «Титаника», и это странным образом давало мне какое-то отчаянное, неизъяснимое вдохновение. Будто я должен был отработать, отжить за всех них...

Он не то поперхнулся, не то застонал. Ему не хотелось больше вспоминать, но память, этот друг и враг, наезжала и наезжала на него невозможными, немислимыми деталями...

* * *

Начало мая, весна! Лиза с Катей собираются в Швейцарию. Да и как не собираться, если приглашают, изумляется Катя, погулять, поколбаситься, поглядеть, как они там вообще, эти швейцарцы? Тем более Маринина мама через знакомых так чудненько все устроила – в два дня оформила визу и билет достала подешевле. Так что осталось лишь вещички собрать!

Разумеется, все это фигня насчет Терри, думала Лиза, но почему в самом деле не мотануть в Европу? Опять же и в английском попрактиковаться – дома молодые, наверное, говорят на English...

– Ха! Молодые! – смеется Катерина. – Одной сороковник светит, другому – уже стукнуло!

Сильно прибалдевшая от внезапно свалившейся на нее поездки в Швейцарию, она все же не может до конца поверить в такой кульбит судьбы. Как и Лизка, безотцовщина, но совсем уж из бедной семьи, Катерина и не думала о загранице – не имела такой привычки, в отличие от подружки, которая уже дважды сгоняла с бабкой в Турцию. Потолок Катерины, ее Канары, – Рябово. Там у них с матерью на шести сотках – полуразвалившаяся хибарка, а вокруг грядки, грядки, грядки... Разумеется, Катерина иногда помогает матери на огороде, но вообще-то приезжает в Рябово ради дискотеки и местного Палм-бич – на берегу маленькой, но бурливой речушки Рябовки. Особенно бурливой, когда после дискотеки все практически рябовцы лезут в воду, и тогда с берега потом всю ночь слышны крики, хохот, визг. И лишь к утру наступает умиротворенная, слаженная тишина, кое-где нарушаемая шепотом и вздохами. Ахи-трахи, называет их Катька.

Но однажды Катьке крупно повезло – в пятом классе ее посадили за одну парту с аккуратной и смешливой девочкой Лизой. И хотя Лизу вскоре перевели в гимназию, девочки успели подружиться. Тома не могла понять, что Лизка нашла в этой простушке (если не потаскушке) – училась она плохо, вечно по дискотекам, ну и после школы, естественно, никуда не поступила, то есть не поступала, все говорила – потом... А как же потом, если совсем не занимается? Правда, она, как нянька, ходит за Лизкой, буквально учебники за ней таскает. А бывая у них дома, то картошку почистит, то посуду помоем или полы – Верыванна не нарадуется. Ну а Лизе просто с ней весело – обе всегда готовы поприкалываться, к тому же Катька не глупа, не то что другие «дети» – тупые и скучные. Ну и что ж, что Катька не хочет учиться? Она и так самодостаточна, сейчас вообще не все хотят учиться. Лиза, правда, пыталась подтянуть ее по разным предметам и втащить в университет, но Катька то болела, то была в «отгуле» или же просто отмахивалась – иди, иди сама учись, а я лучше Верыванне помогу. Ну и катись, говорила тогда Лиза, которой в конце концов надоело тащить упрямую козу в храм наук. Но, между прочим, кое в чем коза преуспела даже больше подруги.

Иногда Катька пропадала на целую неделю, а то и две.

– Куда это подружка подевалась? – спрашивала Верыванна.

– К родным на Брянщину укатила, – отвечала Лиза. – Или на Смоленщину, не помню точно.

Потом, как Катька объявится, Верыванна мельком ее спросит:

– Ну, как родня?

– Нормально, – ответит блудная дочь, и тема исчерпана. Но от Лизы ей так просто не отвертеться. Да она и не думает отвертеться: поделиться с подружкой – святое дело:

– Нагулялась, кажись.

– С кем?!

– С Лехой.

– А Ахмет? Ты ведь говорила, он лучше всех...

– С ним кончено.

– Из-за чего?

– Из-за двух слов, представь! Я ведь, знаешь, у него уже недели две жила, а ему ж надо, что б ты, как Пенелопа, а он припилит, когда захочет. Так вот в последний раз прождала я его четыре дня! Озверела уже! От неча делать решила постирать, собрала кучу тряпок, уж и машину открыла, да передумала, хрен, думаю, с бельем, – тут он и явился! В ванную сунулся, носом покрутил, мало того, говорит, что везде бардак... А я ему – мало? Добавим. Куда, говорит, добавлять, слушай! А я возьми и брякни – Ахмет, заткнись! И все! Выгнал без выходного пособия. А я ж долго одна не могу... Ну, тут как-то пилю по Тверской, одинокая и задумчивая, вдруг Леха! Весь в новой джинсе, желтых шузах – зашибись! Чего это ты, говорит, молодая-красивая сохнешь без никого? Да пошел ты, говорю, не видишь, тоска у меня? А он – какая же ты, Кэт, глупышка! Оторвемся, оттопырится, все и пройдет! И правда прошло...

– Но ты же не любишь его...

– Ну и что? Погулять-то можно.

– И как же гуляли?

– В горелки бегали! Ну, ты даешь! Как люди гуляют, не знаешь?

– Знаю, знаю. Но, по-моему, это должно случиться, только если уж нельзя, чтоб не случилось...

– Ну. Я только так.

– Если любишь...

– Вот так целкой и помрешь!

– Ну, если мне не нравится никто, вот влюблюсь...

– Но к тому времени, дитя мое, надо уже кое-что уметь. Практика – вот главный козырь невинности. Вообще, современная девушка должна знать четыре вещи – пирсинг, пилинг, кастинг и факинг.

– Это все, что ты знаешь по-английски?

– Не только по-английски. Арт аморис – слыхала?

– Слыхала, слыхала.

– Так вот, пасть надо низко, но красиво. И между прочим, успеть разобраться, кто упал вместе с тобой.

– Что ж, так и спать со всеми подряд?

– Кто сказал «подряд»? И почему непременно спать? Вот, помню, мой первый... Так с ним только покушать. Вообще-то, путь к сердцу мужчины лежит, как известно, через его желудок. Но с ним это был путь в никуда. Пока накушается... Короче, на любовные игры и загадки у него уже ни сил, ни времени не оставалось...

– А говоришь, арт аморис...

– Балда! Для того и практика, чтобы найти супер. Вот, к примеру, этот твой Терри...

– Ахмет, заткнись! Маматома тебя уже накрутила, да?

– Ну...

– Еще о нем вякнешь, никуда не поедет.

– Поял... Слушай, я чё подумала... Давай на дорожку переделаем наши имена по-иностранному – чтоб легче было в их швейцарскую малину въезжать. Допустим, я – Китти.

– Договорились – Китька.

– А ты – Лиз.

– Нет уж, останусь, как есть. Лизаветой.

– Хозяин – барин.

Они никогда почти не ссорились, так, легкие размолвки, обычно кончавшиеся быстрым примирением – зависимая Китка всегда уступала.

И наконец, пора было укладываться. Прежде всего следовало подумать о подарках для Марины и Терри. И Китти заявила, что тоже будет участвовать в их покупке. Мать взяла дополнительную работу, день и ночь стирает, убирает, так что баксов пятьсот ей соберет. Но Лиза сказала, пусть оставит денежки при себе, чтобы могла прибомбить что-нибудь в Швейцарии, а подарки маматома уже купила. Обычный набор: икра красная, черная, осетрина, севрюга, буханка черняшки. Кроме того, для Терри – галстук афигенный, а Марине – коктейльное платьице от «Буссет».

Ехать решили налегке – в джинсах и майках, с собой – по свитерочку и купальники. Остальное, ну, там фенички, тряпки докупить, если захочется, на месте. Марина сказала, если кому не хватит, она одолжит.

И настал день отлета! И такое их обуяло ликование – в нем предвкушение шикарной заграничной жизни, неведомых приключений и легкий холодок тревоги – все же предстоял отрыв от Земли... В общем, в аэропорту они еле сдерживались, чтобы не вопить и не стоять на голове, а, напротив, чинно пройти сквозь все таможенные кордоны и лишь потом наконец расслабиться и оттянуться во фришопе.

– Слушай, а не купить ли «Бейлис»? Маматома говорила, Марина обожает его.

– Берем... А вон, гляди, какая обалденная бутылка виски. Может, Терри?

– Ее! И быстро в парфюм! Там можно перепробовать самые крутые вонючки!

– Бесплатно?!

– А то... Смотри, «Шиссейдо». Давай по чуть-чуть, сюда и сюда... Так, теперь «Лан вин», нюхни-ка – миленький какой и легкий...

– Клево... Та-ак, значит, сюда, сюда... и особенно ту-уда-а...

– Ты чего! – зашептала Лиза. – Увидят!

– Ну и что? Может, я хочу всюду так пахнуть – мало ли что?

– Ли – что?

– Ли – то.

– Фи, какая вы, Китти, испорченная.

– Не испорченная, а дорогая... – простонала Китти, закатывая глаза и явно пьянея от смешанных в ней духов.

– Идем уже. – Лиза дернула ее за руку.

И тут они поймали буквально шипящий взгляд продавщицы и, обворожительно ей улыбнувшись, направились к выходу. Уже выйдя, Китка обернулась и показала ей язык. Тут как раз и посадку объявили. Проходя в самолет, они восхищенно переглядывались. Затем уселись на свои места, пристегнулись и, не сговариваясь, тихонько взвизгнули: с ума спятить – летят в Швейцарию! От таких больших переживаний они не заметили, как взлетели, пропустив тот самый немыслимый и невозможный отрыв от Земли. За окном нежились на солнышке облака и превращались то в необозримые снежные поля, то в ватное одеяло, под которым ворочалось какое-то огромное существо и натужно дышало в сторону их самолета – ой, мамочки!

Китка бегло оглядела салон и сообщила:

– Мы тут как бы самые клевые девчонки.

По проходу подкатил стюард, строгий и элегантный.

– Вы прям как дипломат, – умильно глядя на него, сказала Китка.

– Я и есть дипломат.

– Значит, шпион.

– Лучше – разведчик.

– И какая же развединформация вас интересует?

– Что будете пить? Минеральную воду, сок, пиво, вино белое, красное?

– Все! – хором отвечают обе и хохочут.

Они браво чокаются стаканчиками с красным вином... Потом с белым... И еще по плоточку пива... Ха-ха-ха, такой вот винегрет!..

– А теперь, – говорит раскрасневшаяся Китька, – продолжим урок. Кстати, ты заметила, как этот шпион паялся на нас? Конкретно раздел и вещички прихватил... Итак, дети, мы с вами уже говорили о том, как важно выбрать достойнейшего, и об умении красиво пасть, но есть еще кое-что, без чего все это, в общем, бессмысленно...

– Ну, что там еще?

– Как бы это поделикатней?.. Короче, чтобы вместо фрикции не вышла фикция.

– Совсем сдвинулась на этих фикциях.

– Скажи спасибо, Лизок, что тебя просвещают. Меня вот одна старая артистка учила – мы с мамкой у нее убирались в прошлом году. Деточка, говорит, все мужчины обманщики и щипщики, но с ними можно работать. Есть способ, она сказала – мертвого подымет.

– Мертвого-то зачем!

– Не перебивай. Гляди, берешь ногу...

– Чью?!

– Куриную, блин, ну что за вопрос! Его, его ногу...

– И изо всех сил щекочешь?!

– От сяло, – покачала головой Китька, – вон из класса и без родителей не являться.

– Все, молчу, берем, значит, ногу...

– ...и легонько так целу-у-ем... Выше, выше...

– О, боги, куда?!

– Не догадываешься?

– Не-а. А вторая?

– Что, вторая?

– Ну, что в это время со второй-то ногой?

– Вторую, тундра, гладишь...

– Ну уж нет! Лучше в монастырь!

Тут снова подкатил шпион-разведчик-стюард-дипломат и с тонкой улыбкой отравителя осведомился:

– Мясо, рыба, кофе, чай?

– Лизка! Быстро отвечай!

– Отвечаю, отвечаю: мясо, рыбу, кофе, чаю!

– Во мужчина с большой буквы! – сказала Китька, когда стюард укатил. – Верней, с трех больших букв!

– Прямо уж и не знаю, можно ли такую шалаву ввозить в Швейцарию, там ведь у них все так тихо, спокойно...

– Да ладно, я ж так, болтаю только...

И самолет пошел на снижение.

– Ура-а, – хором прошептали путешественницы. Жизнь была прекрасна и, что подкупало, вся впереди!

* * *

Желудок взвыл, как голодный волк, и тут же виновато примолк. Еды в доме нет, и он это отлично знает. Но идти сейчас в магазин я не намерен. Старый стал, немощный. Да и есть, если не считать автономный вопль желудка, вовсе не хочется...

К тому же я почти перестал чувствовать себя цельным, особенно по утрам. По утрам в нашем королевстве раскол – распадаюсь на бесформенные куски боли – в голове, спине, животе, руках... И как все это собрать и запустить в магазин? И что же делать? Этого не знает никто. Просто таково условие задачи – собрать и запустить. А ответы на все эти Чернышевские вопросы находятся в конце задачника, но где сам задачник – не знает никто... Я мог бы написать трактат о боли. О том, что она любит нападать внезапно – как нож в спину! И ты готов: ни вздохнуть, ни плотнуть. Или, наоборот, подкрадывается издалека, исподволь, как тягучая песня, постепенно переходящая в ноющий кошмар. Я напишу о болях острых и тупых, пронзительных и поверхностных, трассирующих и глубинных, как бомбы, взрывающие гигантские корабли. Я назову этот трактат «Закон сохранения боли», потому что, однажды появившись, она уже не исчезает никогда. Просто в иные погожие деньки может притаиться, свернуться, как кот, и задремать. И тогда я просыпаюсь вроде целехонький и свежий, но все равно встаю с постели крайне осторожно, чтобы не потревожить ни одного из котов. И если удастся, то могу потом провести весь день – дни! – без мучений, как обычный здоровяк. Но одно неосторожное движение – скажем, резкий поворот, натягивание брюк или ботинок... Кстати, надо наконец избавиться от шнурков, теперь ведь выпускают такие замечательные ботинки на липучках... Но страшней всего, конечно, корчи погоды, внезапные пляски магнитных бурь. В этих гибельных случаях от тебя вообще ничего не зависит, и все до одного коты могут разом вцепиться в тебя, как сорок тысяч братьев. И тогда только уколы... Впрочем, что ж скулить, если выбрал дело, в котором травмы заложены изначально. Плюс возраст. Седьмой, между прочим, десяток. Половина седьмого. В общем, в будущее уже смотреть бессмысленно – что ж смотреть в то, чего нет?.. Лучше обернуться назад, там был юн... И была любовь... Ну и что ж, что безответная? И потом... был момент... Только я его упустил. Нет, не упустил. Не удержал...

Я когда Верочку впервые увидел, сразу понял, что попался, – так вдруг что-то заныло внутри... Эх, сойдишь тогда две наши половинки, играли бы сейчас с внуками. Вместо этого сижу, как дурак, перед ящиком, но не включаю, разумеется. Потому что все, что у них там в последнее время взрывалось, совокуплялось и дралось, вызывает лишь отвращение. Впрочем, был бы экран, а картинки найдутся.

Вот, скажем, наш коммунальный приют на Солянке. Все мы тогда дружно шли к коммунизму. Шли, шли, а так и не пришли. У нас и сказки такие – поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Но я-то знаю, куда пришел – во двор моего детства! Пасмурно, серо. Шайка бездомных псов вяло бредет по двору. Вдруг все, как один, напряглись и замерли, уставившись в одну сторону. Там, у большого дерева, полуобернувшись и следя за сворой, стоял на задних лапах кот. Одной передней лапой он небрежно уцепился за дерево, обозначив таким образом готовность в случае чего взлететь на дерево, удрать.

И так некоторое время они стояли. Псы дрогнули первыми и, повернувшись в другую сторону, с деланным безразличием пошли прочь. Тогда кот убрал лапу с дерева и развинченной походкой отправился по делам...

Крутится черно-белое кино... В коммуналке нас трое – дед, мама и я. Коммуналка беспокойная и часто буйная. Особенно по праздникам – пьянки, драки и поножовщина, потому что соседи наши все как на подбор – бандиты, пьяницы и психи, за исключением двух старушек, приноровившихся жить, кажется, вообще не вылезая из норы. Так что после праздников обычно кого-то волокли в больницу, других сажали, но ненадолго, вероятно, чтобы к следующему празднику все были в сборе. Поэтому жизнь наша никогда не теряла этой своей жуткой стабильности. Правда, нас братва почему-то не трогала: может, уважала деда-врача – вдруг придется подлечиться? Но эта тоска от незащитности и вечное, липкое ожидание лютых драк на всю жизнь окрасили для меня все те праздники кровью и унижением. Но что мог я, пацан, поделать с тем отребьем?.. Только копить ненависть и месть...

Так, может, именно тогда зародилось во мне это желание сделать наконец что-нибудь... Но лишь спустя много лет соблазнительная туманность вдруг обрела четкость и блеск Идеи. И такая в ней была подкупающая дерзость и в то же время банальность! Так она была невыносимо банальна, что уже опять свежа! Человечеством ведь по существу все давно сказано и сделано, новизна возможна лишь в деталях. И нужно просто суметь выудить из людского багажа то, что нам в данный момент – позарез! А именно – за низость, за преступление должно следовать наказание, скорое и неотвратимое, как удар клинка. Дуэль – вот что это была за Идея! Своего рода *дуэльный синдром*, или, как я его сокращенно обозначил, *синдром Д.* Разумеется, я имел в виду не «панические атаки» публичных придурков, о которых иногда сообщал ящик. Я решил возродить поединок чести как систему, что для меня, старого фехтовальщика, было даже не то что естественно, а неизбежно. Негодяй должен знать, что рано или поздно получит вызов. Оружием возмездия я выбрал шпагу. И не только потому, что сам некогда фехтовал на этом виде оружия. Я, кстати, и со штыком управляться умел, с него, собственно, и началось мое фехтование. Но в бою на штыках нет интриги, нет блеска, фатум же требует спектакля.

Я так много, так упорно думал обо всем этом, что Идея стала воплощаться в моем воображении – так ярко и подробно, со всем хороводом лиц, рож и судеб, что ее практически было не отличить от жизни.

Часть 2

Марина стояла посреди зала ожидания, отдельно от других встречающих, и вертела головой: она их еще не видела. Лиза же сразу заметила ее, хотя до того они встречались только раз, и была поражена. Издали Марина выглядела совсем девочкой – маленькая, худенькая, темные волосы забраны в косичку. «Смотри, вон она, вон!» И они побежали к Марине. Вблизи она тоже выглядела необыкновенно юно и свежо.

– С приездом, девочки, – широко улыбаясь, сказала Марина.

– Это Катя, – представила подругу Лиза, – верней, она теперь решила на английский манер побыть немножко Китти.

– Договорились, Китти.

– А ты совсем без косметики... – удивилась Лиза. Как-то само собою вышло, что девчонки стали называть ее на «ты».

– Да здесь вообще никто не красится.

– Ну и мы тогда не будем.

– Разве чуть-чуть, – пролепетала присмирившая от безупречной Мариной красоты Китти. Марина совсем не была похожа на их с Лизкой мам, изможденных и постаревших. И хотя Тома, в отличие от Киттиной матери, красилась, это ее не молодило. Просто давало понять окружающим, что грачи еще не улетели. Хотя вряд ли, думала Китти, кого-нибудь могли заинтересовать эти грачи.

– Так, девочки, сейчас завезу вас домой и брошу, так как должна вернуться на фирму. Вы же пока устроитесь, отдохнете, а вечером будем делать барбекю, идет?

– Идет! – благодарный хор девочек.

– Кстати, у нас сейчас гостят Мусенька и Майра, мать Терри, такая, типа, чопорная англичанка, но вообще-то милая и добрая.

– Майра... – мечтательно вздохнула Лиза, – какое красивое имя...

– А кто это Мусенька? – поинтересовалась Китти.

– Моя бабушка – Тома вам разве не сказала? – только ее ни в коем случае нельзя так называть и даже по имени-отчеству нельзя – терпеть не может! Да у вас и язык не повернется – она у нас такая куколка. Она из тех первых советских львиц, которые гоняли на «Волгах» по Москве. И вот это сознание собственной исключительности живет в ней до сих пор. Даром что львице уже за восемьдесят.

Марина легко, грациозно вела свой «форд», а вокруг разворачивалась Женева. Потом Женева кончилась и мимо поплыли приальпийские луга, на них паслись аккуратные, чистенькие коровки.

– Посмотрите, какие у них большие колокольчики – как чайники! – засмеялась Марина. – Это чтоб не потерялись в горах. А звон от них прямо храмовый, правда?

И наконец приехали. Всего в пятнадцати минутах от ЖENEвы, почти у самого подножия Альп, расположилась маленькая деревушка – Ля Рип, где и поселилась красавица Марина.

– А вот и наш Chateau, – объявила она, въезжая в аккуратный цветущий дворик, – правда, только половина, в другой живет хозяйка, но нам хватает... Сейчас увидите – два этажа, пять комнат, веранда... Вы-хо-ди!

Девчонки выскочили из машины, расправили крылышки и радостно огляделись.

– Смотрите, черешня поспела как раз к вашему приезду, отдохнете – можете нарвать.

– А хозяйка? – заволновалась Китти. – Вдруг увидит?

– Ну и что? Она разрешает, рвите сколько хотите...

Дверь Марина открыла одним поворотом ключа – никаких там хитроумных запоров, – и троица вошла в дом.

– Так и оставляешь? – изумилась Китти.

– Конечно, здесь все так.

– И не воруют?

– Это же Швейцария, – снисходительно улыбнулась Марина. – А вот и Мусенька...

По винтовой лестнице спускалось, конечно, ископаемое, думала Киттка, – две пластиковые операции, о которых поведала по секрету Лиза, может, и позволили ей когда-то там косить под герлу, но сейчас... Правда, она не похожа на обычных бабусек – в шелковом кимоно, вся в каких-то жутких бусах... Не, но вообще видно, что когда-то была супер, да и щас еще звездит: подбородок, нос, брови – все вверх...

– Здрасьте, девочки, милости просим... – ласково улыбаясь, сказала Мусенька. – Здравствуй, Лизанька, давай-ка поцелуемся... А как зовут подружку?

– Китти, – вставила Китти.

– Ах вот как. А Левин уже имеется?

– Нет. Но надежды не теряю.

– И правильно... А Майра укатила по магазинам, – ответила она на немой вопрос Марины, – вернется вечером с Терри.

– Ну ладно, мои хорошие, бросаю вас, разбирайте вещички, осваивайтесь, вернусь часиков в семь, и займемся барбекю. А в субботу или в воскресенье закатимся на фондю. У нас тут на уикэнд все отправляются на фондю.

– А что это – фондю? – спросила Китти.

– Это такое блюдо из сыра, хлеба и вина. По правде сказать, мне оно не очень-то, но сама поездка в какой-нибудь уютный альпийский ресторанчик... Ну все, пока!

– Но посмотри хоть, что мы тебе привезли... – начала было Лиза, но Марина замахала рукой:

– Вечером, вечером, а то начальница мне задаст, и так все время придирается...

– Потому что нельзя-а быть краси-ивой тако-ой, – пропела дребезжащим голоском Муся и добавила: – Ну все, не задерживайся, а я им тут пока покажу, где что.

Экскурсия началась с первого этажа, его занимал огромный, светлый зал с аппендиксом кухни. В зале – диван, большой, как у короля Артура, круглый стол и камин. А по белым стенам – картины. Тут же, на первом этаже, маленький туалет с раковиной, в нем пахнет так, что не хочется выходить. Но если выйти, то сразу слева винтовая лестница на второй этаж, там спальни – хозяйская и гостевая, к ним – две ванные комнаты, два туалета и маленькая гладильня.

– В этой светелке сейчас сплю я, – сказала Муся, – а в гостевой спальне – Майра, она раньше меня заехала, поэтому ей достался лучший апартамент. Но здесь тоже славно, верно?.. После отъезда Майры тут поселится кто-нибудь из вас. Впрочем, Мариночка сама после с вами разберется... А по стенам, видите, кругом бусы да ожерелья, дома в Москве у нас тоже везде побрякушки висят.

– Клево, – сказала Китти, – удобно выбирать, что надеть... А тут, Лиз, смотри... И тут...

Во всех комнатах и в коридоре на полочках были разбросаны кольца, браслеты, сережки...

– Это что, все настоящее?? – шепотом спросила Китти Лизу.

– А то. Гляди, вон брюлики как глаза колют...

– Странно... Обычно люди это припрятывают...

– Так то люди. А Маринка – королева, богатая и свободная. К тому же к ней в дом кто попало не войдет.

– А можно мне эти сережки примерить? – робко обратилась Китти к Мусеньке. Лиза дернула подружку за рукав, но слово не воробей...

– Конечно, – улыbnулась Муся, – Мариночкины подружки всегда все примеряют... Слушай, а тебе бриллианты к лицу...

– Правда?! – От возбуждения Китти зарделась, глаза засверкали, и она неопределенно подумала: «Вот оно! Ага». Ахмет дарил ей кой-какие побрякушки, но бриллианты в руках, тем более в ушах, ей держать не довелось. Тяжеленькие подвески качались в ушах, как качели, на которые одновременно хотелось и влезть.

– Поносила и снимай, – шепнула Лиза.

Китти аккуратно сняла качели и положила туда, где лежали, – без всякого притом сожаления. В сущности, они уже сыграли свою судьбоносную роль – она к ним *привыкла*! Так быстро? Мгновенно! То есть уже почувствовала, что значит носить брюлики, что они ей идут и, значит, придут – вот примерно какой глубины и длины мысль петляла в забубённой Киттиной голове.

Меж тем Мусенька уже показывала веранду... Комнату для стиральных машин, погреб...

– Чувствуете, как здесь прохладно? А поглядите, сколько у нас старого и очень старого вина, бутылок – не сосчитать!

– Что мы, считать, что ли, сюда приехали? – пошутила Китти.

Разумеется, осмотр дома сопровождался трепом, то есть тараторила в основном Муся. Наконец-то прибыла свежая, благодарная аудитория! А то ведь Мариночка своим обществом не баловала. Говорила же Муся в основном о ней, обожаемой внучке. Бедная девочка столько работает! У них ведь тут, знаете, прохлаждаться не дают, поэтому ей не до меня. Бывает, целыми днями – ни словечка... Ну да ладно, зато теперь девочки приехали...

– Теперь нам всем будет веселей! – подольстилась Китти.

– А хотите, я вам Мариночкины туалеты покажу?

– Хоти-им! – проорали девчонки.

Втроем они притащили из хозяйской спальни кучу тряпок и туфель, тряпки разложили на диване, туфли – на полу, и Мусенька принялась их по очереди демонстрировать, а девчонки, возбужденно перебирая, стали прикладывать их к себе. Вдруг Китти прямо зашла от обалдения.

– Ка-акие ботильоны... – прошептала и выхватила из обувного развала пару лаковых, сверкающих стразами ботинок. Они гордо и немного брезгливо возвышались на шпильках среди других пар. – Да за них можно жизнь отдать!

– Ладно, поживи уж, – добродушно молвила Муся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.